

Информант: Леонид Абрамов (Л.А.); год рождения – 1936

9.08.2005

Красногвардейский район, с.Петровка

Собиратели: Тамара Жук (Т.Ж.)

Евгения Косьяненко (Е.К.)

Сторона А

(Информант рассказывает о себе)

Я по наследству шахтер. И дочери обе у меня на шахте работали. И жена на шахте. Я, ну, тоже. Квартиры не было. Жить негде было, и в Донбасс уехал. Я 41 год прожил, я сюда вот вернулся только в 2003 году. Ну как, приезжал я сюда каждый год по многу раз. Могилы тут, родственники еще были. Поэтому, я сюда приезжал часто. А... но всё загнулось. У меня дочери сейчас в Германию уехали. Вот как называется... еврейская миграция или... ох, забыл. Ну, в общем, хотя их там не очень признают. Вот в войну, немцы, если смешанные браки – по отцу. Мать – русская, отец – еврей, всю семью уничтожали. А сейчас вот и в Израиле, и в Германии – только по матери.

Т.Ж.: А в Израиле у Вас нет родственников?

Л.А.: Да, брат там в Израиле. Теперь, ... Племянника дочь с семьей в Израиле.

Т.Ж.: А Вы не хотели бы поехать в Израиль?

Л.А.: У меня стенокардия. Как? Совсем? Брат меня много раз приглашал. Но, понимаете, то вот затеял покупку квартиры, дочь помогла, брат с Израиля. Помог он конечно. Пока купили эту квартиру. Ну, пока я не знаю. И дочери мне... Я с ними не хочу. Дело в том, что... книги – это у меня еще не все. Там посмотрите у меня ещё в спальне, кладовке. У меня есть такие книги, что нигде нет. Дочери приезжают, потихоньку отдаю. У меня большая коллекция монет, у меня большая коллекция медалей, значков. Этого ничего не выпускают. Это вся моя жизнь. Вы понимаете, я занимался этим всю свою жизнь. Первую книгу я купил в 49-м году. Вот, посчитайте. Поэтому, с одной стороны, может быть, я бы и уехал, хотя там тяжело. Мне бы было там тяжело.

Е.К.: А почему?

Л.А.: Жарко.

Е.К.: Климат?

Л.А.: Да, да, климат. Вот тут и то мне тяжело. Вот у меня... нам дом в России достался по наследству. У меня жена – русская. Вот четыре года ездил, а в этом году уже не смог поехать. Старшая дочь и внучка сейчас там.

Т.Ж.: Как Вы считаете, где Ваши родина?

Л.А.: Знаете, как говорили, можете это не записывать, родина там, где человеку хорошо жить. Вот так. Здесь ну мне... Я лучше, допустим, живу, чем вот некоторые пенсионеры даже в этом доме. Во-первых, я двадцать лет проработал в шахте. Я участник боевых действий. Я был оккупантом в чужой стране, тоже не по своей вине. Поэтому у меня как-то пенсия побольше. У меня льгота на квартиру. Не представляю, как, допустим, люди живут на те же 300 гривен.

Т.Ж.: Скажите, Вы сказали, что у Вас жена – русская. Как относились в Вашей семье к смешанным бракам?

Л.А.: Абсолютно. У меня вот этот брат в Израиле – у него тоже жена – русская. Старший брат и старшая сестра – у брата жена еврейка, а у сестры муж еврей. У меня, допустим, жена с моей старшей сестрой была дружнее, чем со своими родственниками.

Т.Ж.: Скажите, может, были традиционные еврейские свадьбы – может, Вы помните?

Л.А.: Это всё было криминал.

Т.Ж.: А Вы были на такой свадьбе?

Л.А.: Нет. Ну, нельзя было. Сталинская диктатура, НКВД – это малейший донос – и человека нет. Поэтому, ну и с молоком матери нам долбили в головы: «Религия – опиум для народа». Вот. Хотя, конечно, это дикость. Если я хочу в Бога верить – значит, я должен в Него верить, раз я хочу. Если я не хочу... ну, видите, вот – всех делали под одну гребенку.

Т.Ж.: А были ли у Вас соседи или знакомые, которые были религиозными?

Л.А.: Дед у меня был религиозным. Вот, Абрамов Янкель – он... У меня бабушка умерла в 39-м году, она тоже вот в Роттендорфе похоронена – там отец лежит, потом отца сестра, сестры муж с братом и бабушка. Дед Янкель был, ну и со стороны матери дед с бабой тоже были религиозными. А молодёжь...

Т.Ж.: А Вы помните, чем они отличались от других? В чем религиозность выражалась?

Л.А.: Во-первых, синагог уже не было. Было, где-то там собирались... это вот было в 30-х годах. Соблюдались все посты. Пища только еврейская. Вот, я вот помню, потому что я любил деда. Он жил один в последнее время. Я любил... я часто к нему прибегал. Он такой был... религиозный был, да.

Е.К.: А вот еврейская пища – это что Вы имеете в виду?

Л.А.: Хе-хе... а как? А вы что, не знаете? Во-первых, у меня и мать, и родственники очень вкусно готовили. Во-вторых, кошерно. Мы свиней выращивали всё время. Ну, может, ели, конечно, потому что... голод. Если корова телилась, телёнка нельзя было есть. Если это телочка была – всё, резать её нельзя. Если кабана зарезали, всё продавали, потому что колхоз не давал ни копейки. И строиться надо было, и детей учить. Пять детей всё-таки. Поэтому всё шло для базара. Нужны были деньги. Вот кабана зарезали – пока шкуру не сдашь, справку не дадут – не разрешат продавать мясо. Вот это такое. Если это телочка – резать нельзя было. Как-то разрешали, но тоже через сельсовет. Очень тяжелая была жизнь, конечно. Нищета, нищета. Работали по 15 – по 18 часов в сутки. Нас, детей, выгоняли в 40 градусов на солнце. Жара, и идешь, эти колоски собираешь, тянешь мешок с колосками. Как праздника ждали... особенно после войны, колхоз уже сам на большой перемене вот 100-граммовые такие кукурузные булочки были. Пекли их в колхозе и давали школьникам по кусочку хлеба. Тяжело было, конечно. И потом началось всё: вырубалось под корень. Вот, деревня Роттендорф сразу после войны – гонение было в 40-ых на евреев – сразу переименовали, сделали деревню Ларино, колхоз «Победа». Евреев часть расстреляли, а часть со временем начала умирать, потом старики начали разъезжаться, - и всё, вот так всё это было уничтожено.

Т.Ж.: Вот Вы говорите, что синагог не было. А где дед молился? И как Вы знаете, что он был религиозным? В чем это проявлялось?

Л.А.: Ну он видел, понимаете, он видел Бога.

Т.Ж.: Он читал какие-то книги?

Л.А.: Обязательно.

Т.Ж.: Что он читал?

Л.А.: Я не помню, понимаете. Это всё-таки было много лет назад. Но я знаю, что у него было много литературы. Он был религиозный человек. Вот дети уже... ну как, постольку-поскольку.

Т.Ж. А на каком языке разговаривали в семье?

Л.А.: Где? В семье?

Т.Ж.: Да. Дед, бабушка, ваши родители.

Л.А.: На еврейском.

Т.Ж.: А еврейский – это какой?

Л.А.: Идиш. Только идиш был. У нас школа была, вот где мои старшие брат и сестра учились – еврейская, только на идише.

Т.Ж.: А Вы помните какие-то слова на идиш? Названия, может быть?

Л.А.: Вы понимаете, я рано из семьи ушел. Я понимал. Во-первых, я учился уже в русской школе. Уже еврейских детей, у меня есть фотография 48-го года, уже мало было. А в семье вот – и тот, и другой. Но если что-то надо было, все говорили по-еврейски. Я понимал, вот между собой что-то родители разговаривают – я понимал, но, как говорится, такая жизнь. Я с 13-ти лет уже в семье не жил.

Е.К.: А никаких песен или стихов не знаете?

Л.А.: Нет, я ничего, нет. Я даже... мне стыдно, но я не знаю еврейского языка. Вот в чем дело. У меня не было такой возможности. Я всю жизнь жил среди русских и... не было. Вот у сестры была очень большая коллекция еврейских песен. Я приезжал, с удовольствием слушал еврейские песни, но у меня не было такой возможности.

Т.Ж.: Скажите, а на еврейских похоронах были ли какие-то особенности, которые отличали эти похороны от русских?

Л.А.: Да. Вот, ну отца хоронили... Вот, у меня отец со своей сестрой умерли в Курмане где-то в течение получаса. Отцу делали операцию сложную, его вывезли на каталке – он скончался. И в это время тут его сестра – у неё рак был – тоже. Их хоронили... Во-первых, в нательном белье, но в гробах. Отца моего хоронили и тетку в гробах.

Т.Ж.: А дедушку и бабушку?

Л.А.: Они были расстреляны. Я не помню. Вот я присутствовал на кладбище, когда хоронили евреев в деревне, - заворачивали, садили или клали. Вот так.

Е.К.: Так некоторых садили, а некоторых клали?

Л.А.: Я не помню. И закрывали сверху досками и засыпали землей. Я вот не помню, по моему... Я не хочу вас обманывать, не помню.

Е.К.: А вот до кладбища вот как тело или гроб несли или везли?

Л.А.: Везли.

Е.К.: А на чем?

Л.А.: А на подводе. Ну, дело в том, что кладбище сразу за деревней.

Т.Ж.: А читали какие-то там молитвы?

Л.А.: Нелегально – да. Девочки, вы не понимаете того времени.

Т.Ж.: Нам сложно понять.

Л.А.: Да, да. Вы не понимаете. Вот у меня старшая сестра – фронтовичка. Тоже добровольцем в 18 лет ушла на фронт в августе 41-го и до 45-го она пошла на войну. Вот, она умерла в 99-м году. Была еврейская молитва. Была. Всё остальное – собрались, поминали, это по славянскому обычаю. Но, молитва, перед тем как опустить в могилу – была.

Е.К.: А вот Вы сказали, что иногда хоронили без гробов, а просто досками закладывали. А прямо в землю хоронили?

Л.А.: Да, да.

Е.К.: Ну Вы это видели такое? А кого это так хоронили?

Л.А.: У нас в деревне.

Е.К.: А Вы не знаете, почему без гроба? Может, тут смысл какой-то?

Л.А.: Нет, это по-иудейскому.

Е.К.: Но, может, Вы знаете, как это объясняется? Может, легенда какая-то есть?

Л.А.: Нет, не знаю, нет. Ну, дело в том, что мусульман тоже без гроба хоронили. Ну, скорее всего, мусульмане переняли это у иудеев, потому что та религия древняя. Ну вот, я не знаю, конечно.

Т.Ж.: Скажите, а поминки делали?

Л.А.: Нет, у евреев поминок не бывает. Ну вот я сестру хоронил, брата. Ну, это были не еврейские похороны. Поминали, конечно. Вот у меня отца сестра умерла. Здесь она уже умерла недавно, в 73-м году. Евреи обиделись – поминали, они не пришли на поминки. Ну, как, мы же живём в этой среде. Знаете, как говорят: «Попал к волкам – по-волчьи выть надо». Люди по-разному: скажут, вот жлоб такой, видите, похоронил и не помянул. Поэтому поминаем.

Т.Ж.: А вот с детства какие праздники Вы еще помните?

Л.А.: Никаких. После войны... до войны я еще мал был – считайте, в 41-м году мне было 5 лет, а после войны евреев уже очень мало осталось. Вот Пасху я помню хорошо: как мацу пекли и даже после войны. У кого-то в доме собирались и женщины пекли.

Т.Ж.: А подробнее рассказать: вот вы собирались и что потом?

Е.К.: Какая еда на столе? Может есть что-то, что готовится... еда?

Л.А.: Девочки, ну как вы не поймете, мы голодные ходили, ну какая еда? Ну, какая? Вот в прошлом году теплый дом делали, так это совсем другое дело. Вот, по-моему, Вы были? (указывая на Т.Ж.) Нет, не были? На Вас девочка похожая была. Стол накрыли, всё. А это послевоенное, послевоенное, разруха. Забирали всё в колхозе. Весь хлеб забирали, всё. Каждый как только мог, так и выкручивался.

Т.Ж.: Скажите, а в советское время отмечали ли Вы советские праздники или христианские праздники?

Л.А.: Как, по вашим понятиям, отмечали?

Т.Ж.: Ну, собирались, готовили что-то.

Л.А.: Новый Год – да. На Новый Год собирались и отмечали, да. И соседи, и на производстве. Новый Год отмечали. Для меня святой праздник – День Победы. Это святой праздник.

Т.Ж.: А что Вы делаете? Как отмечаете этот праздник?

Л.А.: День Победы?

Т.Ж.: Да.

Л.А.: Ну, во-первых, боевые 100 грамм. Одеваю свои награды. Ну и вот у племянника семья и жена... Ну звонят, поздравляют, то, сё. А так, конечно, ни гульки, ни пьянки – нет.

Е.К. Скажите, а вот субботу праздновали как-то? Может, Ваш дедушка?

Л.А.: Да.

Е.К.: А как это?

Л.А.: Ну, во-первых, это не рабочий день. Я не могу сказать Дед жил один. Если бы он жил с нами, я бы как-то запомнил, а то я так – прибегу, дед мне даст там конфетку или 5 копеек чтобы я купил конфету и всё. Но я знаю что он отмечал все праздники, он соблюдал все посты, у него всё это было.

Е.К.: А вот Вы не помните, когда дедушка Ваш жил, вот интерьер? Может, что-то вот национальное было, присутствовало?

Л.А.: Он приехал позже всех. Это раз, во-вторых, ни с кем он с детьми не жил. У него комната была, я помню, у него старинный буфет там был. Потом я мал по возрасту был. Он всегда был в ермолке. У него такая вот борода была. У меня даже фотография была. У нас наводнение было. Мать у меня жила в Павлограде, и вот такой чемодан – там было много фотографий – дореволюционных даже, всё это затопило, я открыл – всё это слиплось и пропало, очень много фотографий пропало. И вот я помню, что у деда этот дед – Янкель, а со стороны матери дед – он парализованный был, рука у него висела, ну вот всех расстреляли. Это вот со стороны отца деду 82 года было, их гнали 6 километров до Майфильда и держали там, в школе, пока свезли всех евреев.

Е.К.: А Вы не знаете, что такое мезуза?

Л.А.: Нет. А что Вы имеете в виду? Это что, еврейское слово или какое это слово?

Т.Ж.: Скажите, а Вы сказали, что евреи не едят свинину, а почему они не едят свинину?

Л.А.: Ну это считалось нечистое. Вот деды у меня не ели. Это 100%.

Т.Ж.: Почему нечистое? Что значит нечистое?

Л.А.: Так вот по Торе, по-моему. Я не знаю всех этих подробностей. Но не принято было. Евреи свинину не употребляли вообще.

Е.К.: А в связи с этим Вы не слышали каких-то рассказов, поверий?

Л.А.: После войны такие вот, хе-хе (*смеется*) ярые антисемиты – у нас старик был – «Лейба, на сало» – вот, было такое, я помню, над ним издевались. И он в шоке, как это – сало, и он рот закрывал, бежал.

Е.К.: А что еще считалось нечистым? Какая еда?

Л.А.: Ну, во-первых, резник должен ее только резать. Не имеет права. Вот курицу никто не резал. Это уже после войны... и то не все. Специально был резник.

Т.Ж.: Это в колхозе было?

Л.А.: Это ж еврейский колхоз был.

Т.Ж.: А как он назывался?

Л.А.: Роттендорф. Роттендорф.

Т.Ж.: А кем был построен? И как-то помогали его строить?

Л.А.: Я же вам рассказывал. Приехали вот...

Т.Ж.: То есть вы сами строили?

Л.А.: Конечно. Приехала вот семья, сразу дали землю. Вот на этой земле каждый вырыл кто там какой-то сарай из глины, глинобитный слепил, чтобы где-то жить. И всё. Начали покупать лошадей, заводить хозяйство и строили. Я знаю, мать рассказывала, все драгоценности, всё что было, было продано, - надо было строить.

Т.Ж.: И никто не помогал?

Л.А.: Кто? Кто должен был помогать в такой стране? Нет, конечно. Если бы государство хоть чуть-чуть заботилось – не было бы такого.

Е.К.: Может, Вы помните какие-то костюмы, которые остались от деда, может, которые он не одевал, а просто хранил?

Л.А.: Вот, Вы помните, что у Вашей бабушки было, когда Вам было 5 лет?

(Информант отвечает на вопрос о том, почему переехал на Донбасс)

Л.А. Я жил там и работал в Евпатории, но у меня не было жилья. Безвыходное положение. Я бросил Крым. Хотя я люблю Крым, - я здесь родился, прожил тут много. И поэтому, только поэтому, я уехал в Донбасс. Там мне дали сразу жильё, я думал так: ну, на год уеду, ну на два уеду, ну на 5 лет уеду, а потом дети пошли. Ну, думал, вот, закончат школу, а потом, одна вот пошла в институт, вторая - в университет.

Т.Ж.: А расскажите, как Вы познакомились со своей женой? Где Вы познакомились?

Л.А.: Хе-хе *(смеется)*. А для чего Вам? Ну это сугубо личное.

Т.Ж.: Она – русская, Вы говорите?

Е.К.: Да, здесь очень хочется, знаете, проследить вот именно какие у вас были взаимоотношения вот.

Т.Ж.: Почему Вы не женились на еврейке, а на русской?

Л.А.: Еврейка мне просто не попадалась. Ну так же не будешь... Допустим, бы меня познакомили или как. Я по диплому учитель. Я работал до 77 года в школе. И... а она приехала с Ярославщины. А в Евпатории в 50-х – 60-х годах заведующая районным отделом была ярославская. И вот девчата молодые поехали с Ярославской области в Крым на работу. Вот под Евпаторией в Кольцевом подружка живёт. Это она с ней приехала, потом, ну она уже в преклонном возрасте, - в Севастополе, это ярославская. Ну, их много приехало. Ну и познакомились.

Е.К.: Ну да, понятно. Скажите, а как вот Ваша семья, родители там, отреагировали, когда узнали, что вот она русская?

Л.А.: Что на русской женился?

Е.К.: Да, что не еврейка.

Л.А.: Абсолютно спокойно. Отца уже не было. У меня и брат, который в Израиле, тоже на русской был женат. У меня все племянники женаты на русских. В Москве у меня 2 племянника. Просто, вы понимаете, как, это система такая была. Была система, вот как парторгов, так и свах. Вот девочка есть, давайте мы её познакомим. Сейчас это возрождается. А тогда это было. Ну, это не криминал был. Поэтому ну как знакомились – ну на танцах где-то, ну на работе – вот так, это раз. Во-вторых, еврейскую девочку – это надо было уже искать. Я в шахте, но там еврейки, хе-хе, в шахте не работали. Тем более тяжелая работа.

Т.Ж.: А Вы как-то думали об этом чтобы найти еврейскую девочку или не думали вообще?

Л.А.: Вы понимаете, так даже таких вот мыслей не было. Понимаете? Я женился без всякой там выгоды. Если бы я женился с выгодой, у меня бы в Евпатории дом, был и ещё там чего-то было, а так я... ну вот по любви женился и всё. Ну, вот понравилась. Вот это 62-й го. Вот она *(показывает фотографию)*.

Е.К.: Скажите, когда стали жить вместе, Вы что-то замечали в ней что-то такое что было...?

Л.А.: Антисемитское?

Е.К.: Нет, нет, я имею в виду, ну, чтобы вот говорило именно о том, что она русская? Какие-то традиции, которые бы Вас удивляли? Или что-то новое.

Л.А.: Я всю жизнь прожил среди русских. Вот когда я первый раз приехал на Ярославщину, вот там я, конечно, был удивлен. Ярославская область – это не Крым.

Е.К.: А в чём была разница? Чем Вы были удивлены?

Л.А.: Даже теми обычаями, очень многим. Понимаете, Крым – это Вавилон, Крым – это Вавилон, а там – сугубо русское.

Т.Ж.: А какие там были обычаи? Что было необычного?

Л.А.: Вот, допустим, я приехал как раз – ой, гулька, пьянка. - Что такое? Казанская. Ну как, Казанскую не знаешь? Я многому удивлялся. Отмечалась икона Казанской Божьей матери. Вот, вся деревня гуляет. Никогда я такого больше не встречал, как на Ярославщине: ни в Крыму, 41 год в Донбассе прожил, ну, это там сегодня – Пасха, ну это гуляют там. Спас, Рождение, Крещение там, а вот такое – Казанская Божья мать... Вот, поэтому там много такого, понимаете, сугубо такое вот... Вот, чисто русское, чисто ярославское. А Донбасс – такой же Вавилон, что и Крым. Там кого только нет. Поэтому...

Т.Ж.: Скажите, а Вы с женой отмечаете какие-то христианские праздники?

Л.А.: Нет, я по натуре, понимаете, я пережил войну, не в обиду будет сказано, я не очень верю в Бога. Я видел, что творилось. Где Он был? Стариков, детей вели на расстрел, забивали колодцы. Ну как? Я вам еще по секрету скажу... Он выключен? *(Это о диктофоне)* А? Я ведь крещенный. Надо было спасать жизнь. Это жизнь такая была, вот в чем дело. Просто вам повезло немножко больше, чем моему поколению. Сейчас многие: «Ой, от советское...» Я не хочу этого. Я назад не хочу. Как вот ни плохо, люди голодают, но не хочу я. Я проработал 22 года в школе. Но за горло взяли. Причём я очень добросовестный и очень такой был неплохой учитель – у меня вот там такая пачка грамот всех этих. Задавили. Я плюнул. Хотя это для меня уже ломка была – в 40 лет бросать и начать с нуля – это сложно было. Но я ушел в шахту.

Т.Ж.: А что Вы преподавали?

Л.А.: Физкультуру. Вот я вам показывал в Евпатории гостиницу «Буреваж»? Вот, здесь был физкультурный техникум. Вот в 52-м... Вот 50 лет было, как я его закончил. Поэтому я показывал... это и на Доску почета: и на участок, и на шахту, но я не проходил по другой... Но я добросовестный рабочий был. Я ушел горнорабочим очистного забоя.

Е.К.: А Вы верите в загробную жизнь? В то, что после смерти есть продолжение?

Л.А.: Нет, никакого нет продолжения.

Е.К.: То есть человек умирает и всё? А в чём же смысл верить в Бога, молиться? Для чего, если ничего не ожидает?

Л.А.: Уничтожили религию большевики, уничтожили. Взрывали такие шедевры архитектуры. Я был в Ужгороде, там синагога – красавица, но филармонию сделали, – слава Богу, что не взорвали. Ну а в Москве возьмите – Храм Христа-Спасителя. Я не смотрю что там это церковь, это памятник, это был поставлен на юбилей Победы. А что дали, вместо этого? Значит, сделали другую икону. Какую, историк? Какую икону большевики сделали?

Е.К.: Ну, лидера своего – Ленина. Человека.

Л.А.: Он был самый рядовой человек. Причем с очень отрицательными чертами. Ну, как можно было расстрелять царскую семью – детей, мальчика больного расстреляли, ну как – это гуманизм? Они же шли, людям давали что? – всё хотели дать, а на самом деле – ничего. Вернули крепостное право. И я вам рассказывал, что я из крестьян. Значит, крестьянин не имел права выехать. Паспортов же не было, пенсии не было. Вот, зарезали какую-то животину, телёнка там или поросёнка, дают справку – разрешают ехать в Севастополь продать мясо. Это разве не крепостное право?

Сторона В

Хотя начальство всё уезжало моментально. А все остальные... В последний момент. Паника. Не поднимайте, не устраивайте панику. Всё. Немцы всех повели и расстреляли. Я вам другое скажу. Повезло вам и вашим родителям, что Сталин умер в марте 53-го года. Потому что уже готовились эшелоны вывозить евреев на Крайний Север. Уже там были посёлки, всё уже там было готово. Вот как вывезли татар, немцев и всех прочих... Но этих хоть в Казахстан, а евреев... к Полярному кругу должны были вывести. Это просто повезло, что этот тиран и диктатор вовремя умер. Хотя он, конечно, не было бы Сталина – не было бы и Гитлера, не было бы Сталина – не было бы войны Второй Мировой. Это всё зло, всё шло из Советского Союза...

Е.К.: А вот Вы рассказывали про своего дедушку, и Вы сказали нам... Ну это всё, вернёмся к теме вот переездов. Вы сказали, что он, вот, из Белоруссии. Приехал вот в Крым? А Вы не знаете, вот что его сподвигло приехать? Почему он там всё бросил? Вы говорили, у него земля была там. Почему?

Л.А.: Во-первых, дети его все уехали. Они там остались вдвоем.

Е.К.: А дети почему решили уезжать?

Л.А.: А как? Куда деваться? Раньше была черта оседлости. Вот, евреи... вы знаете, что Ленин полукровка, вот, его дед – он принял крещение, в царском паспорте, до революции, национальность не указывалась, а что указывалось? Вероисповедание. Если там написано – православное вероисповедание, всё, можешь жить в любом городе, можешь учиться в университете, можешь жить где хочешь. Вот, дедушка, Ленина дед и его брат, приняли крещение. И профессорами стали. Хотя большевики скрывали своё происхождение. У меня много вот... и серия «Жизнь замечательных людей»... они говорят там шведские корни там всякое, они настолько ввали, вся эта коммунистическая система на брехне построена, Вы извините меня за выражение.

Т.Ж. Извините, а почему переехали именно в Крым? Как узнали об этом?

Л.А.: А вербовка.

Т. Ж.: А что за вербовка?

Л.А.: Не знаешь что такое вербовка?

Т.Ж.: Нет.

Л.А.: Крым, я вернусь немножко ближе, на 30 лет. После войны Крым был пустой. Немцев выслали, татар выслали, евреев, крымчаков расстреляли, греков выслали, болгар выслали, армян выслали, Крым пустой был. Начали завозить с России. Приходит в село,

ничета, всё разбито. Ну, война прошла. Люди голодные, в землянках сидят. Вот, видишь альбом? Море, пальмы - Крым. Начали переселять в Крым.

Т.Ж.: А Ваши бабушка и дедушка? Они приехали сюда раньше? Да?

Л.А.: Позже.

Е.К.: А родители?

Л.А.: Ну, родители в 25-ом приехали. А они приехали уже, наверное, в начале 30-х.

Е.К. Это с Белоруссии?

Л.А.: Да.

Е.К.: Это дедушка?

Л.А.: Да, со своей женой, моей бабушкой. Дело в том, что ну уже возраст.

Т.Ж.: А кто им предлагал, рассказывал, что можно ехать в Крым, показывал эти альбомы?

Л.А.: А как же? Специальные люди были – вербовщики. Ну, надо было заселять Крым – Крым и после революции был пустой. Вот это же тут ничего не было. Здесь была станция Курман-Кимельчи. Вот я, кстати, нашёл – вы такого не найдёте – этих вот, Ефремовская, Красноперекоск, - этого ничего не было. Следующая была – Биюк-Ойлар. Станция, ну, посёлок, там железнодорожники жили, так. Следующая была – это сейчас Пролетная, это Китай была. Сарабуз – это Симферополь. А тут было – вот, Петровка была. Такой, самый захудалый колхоз.

Т.Ж.: Как он назывался-то, колхоз?

Л.А.: Он сразу назывался колхоз имени Молотова. Это вот вот это вот, Петровка, потом, когда Молотова сняли, - Дружбы народов. Вот это в 57-м году – с 57-го года, а вот колхоз «Россия» - там это самый богатый колхоз был – там еврейские колхозы были, и вот их начали объединять. Раньше вот как было: деревня – то колхоз, деревня – колхоз. Свои там фермы, своя конюшня – ну всё своё. Вот как квартирка автономная – вот отрезал – своё отопление, всё. Потом Хрущев начал объединять. В один колхоз сгоняли – например, брали один сильный колхоз и лепили к ним лежачих там. Объединили деревни. Потом начали районы объединять. Октябрьская – это был райцентр. Зуя – это был райцентр. Старый Крым – это был райцентр. Евпаторийский район – это был райцентр. Новосёловский район был. Это потом всё в кучу скинули и всё.

Е.К.: Это колхоз «Россия» это где был?

Л.А.: Он и сейчас. Ну, сейчас этого колхоза нет. «Восход» - это туда вот. Вот «Восход» - это колхоз «Россия». Еврейские колхозы были достаточно приличными.

Т.Ж.: А этот колхоз имени Молотова – это был не еврейский колхоз?

Л.А.: Нет.

Т.Ж.: И Ваши родители приехали именно сюда?

Л.А.: Я же Вам объясняю – Роттендорф, Калайский район. Это сюда... Вот Егудин – он был репрессирован. Он был председателем Тировского райисполкома. А в 49-м году был арестован и расстрелян Крымский обком во главе с секретарем Крымского обкома Соловьевым. Егудину повезло – его не расстреляли: его исключили из партии, сняли с работы и вот кинули на этот самый дохлый, лежачий колхоз - Петровка. Вот этого ничего не было. Вот там Старая Петровка, вот там клуб, вот там контора была, вот то всё было. И всё. И там была дорожка до станции – до Курмана. И вот это он поднял такое. Потом объединили. Вот это Новую Эстонию сюда дали. И здесь сейчас около десятка сёл, села вон какие - большие. Вот так. А всё было лежачее. Всё. Сталин настолько грабил и

уничтожал – он ненавидел крестьян, что приезжали машинами – НКВД, открывали склады, забирали хлеб весь – всё, люди голодали.

Т.Ж.: Тогда расскажите больше о еврейском колхозе, том, в котором были Ваши родители, куда они приехали. Только евреи там работали?

Л.А.: В основном. Дело в том что 1 ноября 1941 года на еврейских колхозах поставили крест. Когда пришли немцы – всё, еврейских колхозов больше не было.

Е.К.: А вот когда он еще был, Вы говорите, там были не только евреи, какие еще национальности были?

Л.А.: Русские и украинцы. Но их было очень мало.

Е.К.: А они откуда взялись? Не знаете?

Л.А.: Ну почему ж я не знаю?

Е.К.: Ну, расскажите.

Л.А.: Во-первых, вы знаете, тут всё время кричат – Голодомор. Голод был. Страшный голод. В Крыму голода не было вообще. В Крыму голода не было. Потому что переселенцы, и не очень еще прижимали, грабили. И вот все, кто куда только мог, - у нас, я показывал же, какие фотографии, - какие дома уже были. Вот, евреи уже отстроились, прошло около 10-ти лет, они приезжали и нанимались на самые разные работы.

Е.К.: Вы имеете в виду русские?

Л.А.: Да.

Т.Ж.: Они приходили в еврейский колхоз и нанимались?

Л.А.: Они никуда не приходили. Вот, ну мои родители строили дом. Они не каменщики, а дома саманные, я рассказывал. Ну не могут они. Они этого никогда не делали. Значит, нанимали. Вот он пришёл, - «Нужна рабочая сила?» - Нужна. Всё, давай, я у тебя буду работать. Ты там или платить или не помню я уже таких подробностей, но платили, конечно. Потому что я знаю всё, и у матери драгоценности и украшения – всё это было продано, только чтобы быстрее дом построить. Вот и они штукатурили, саман делали, стены клали. Потихоньку обживались. Потом они себе уже начали строить. Но не такие как, допустим, у евреев были дома, а такие вот у нас наподобие вот такого дома сразу, как только приехали родители мои, построили такое глинобитное – потом курятник у нас был, куры там жили. Вот они себе вот такие вот маленькие строили домики такие на краю деревни. Вот на фотографии у меня две девочки, я показывал класс, Кухта и Каранда – вот это вот девочки из этих семей – потом родители их стреляли евреев и в полицию ушли. И много потом начали грабить квартиры, которые евреям... дома. Начали грабить. Потом начали грабить тех, кого погнали на расстрел.

Е.К.: А чем они друг от друга отличались?

Л.А.: Кто?

Е.К.: Вот, Вы говорите, русские и украинцы. А чем они друг от друга отличались?

Л.А.: Хе-хе... Моя мать говорила: «Это - гой». Вы знаете, что такое «гой»?

Т.Ж. Нет.

Л.А.: А Вы обе еврейки?

Е.К.: Я – русская.

Л.А.: Иноверец. Вот русские, украинцы – гои. Это не оскорбление, ничего. Иноверец.

Е.К. А как Вы это осознали, что иноверец? По поведению, по одежде, по разговору, как?

Л.А.: Ну вот Вы можете отличить славянина от негра?

Е.К. Ну потому что у него коричневая кожа.

Л.А.: Ну и всё.

Е.К.: Ну а Вы как отличаете? Ведь таких внешних различий не было. Или были?

Л.А.: Ну, конечно, конечно?

Е.К.: А чем они отличались?

Л.А.: Евреи на 90% не пьющие. Эти все пили.

Е.К.: А по какому поводу?

Л.А.: А по какому поводу пьяницы пьют? По любому поводу.

Т.Ж.: Хорошо, Вы говорите, на 90% евреи были не пьющими. Но были же и пьющие евреи. Тогда чем пьющий еврей отличается от русского?

Л.А.: Нищетой.

Т.Ж.: Нищетой?

Л.А.: Да. Вот я не помню, чтобы у нас в деревне был пьяница. По-еврейски это «шикер» называется.

Е.К.: Шикер?

Л.А.: Хе-хе... я не знаю еврейского языка. Это сразу отличается, сразу. По разговору... Славянина от иудея отличить очень просто.

Е.К.: А почему? А то говорите очень просто. А во внешнем виде были ли какие-то различия?

Л.А.: Семитские черты лица сразу выдают. Любой нормальный человек определит – это славянское лицо или семитское лицо. Вот и всё.

Е.К. Т.е. по чертам лица?

Л.А.: Конечно, по речи. Дело в том, что тогда все владели идишем. Все. Вот у меня старшие брат и сестра учились в еврейской школе, потому что не было другой школы. Это был еврейский колхоз. Вот были бы здесь татары, они сразу бы поставили свою татарскую школу, точно так же и евреи. Всё. А потом это потихоньку начали прижимать.

Е.К.: А вот, по речи. Как говорили русские и украинцы?

Л.А.: Ну вы что, никогда... Ну, поедьте в Израиль – сразу определите.

Е.К.: Ну, не могу поехать – финансы не позволяют, а так съездила бы.

Т.Ж.: Расскажите, а как Вас крестили? Это в детстве было?

Л.А.: Я же вам сказал, что я был на оккупированной территории.

Т.Ж.: А как это произошло? По Вашему желанию?

Л.А.: Мать спасалась. Мать спасала нас, детей двоих.

...

(Информант рассказывает о караимах)

Вот, можете прочитать, что такое Крымская автономная республика в 38-м году *(Показывает «Малую советскую энциклопедию», 1937)* Народ, в основном они

проживают в Евпатории, который исповедует иудейскую религию. Имена, фамилии. Вот у меня знакомый был, я его всё время считал евреем, Эль Давид Моисеевич.

Е.К.: Т.е. имена еврейские?

Л.А.: Всё, всё. Но они не евреи, они – караимы.

Е.К.: Чем они отличаются? Почему они не евреи, если у них и имена, и вероисповедание – иудейские?

Л.А.: Это другая ветвь. И они это доказали.

Е.К.: Просто другая ветвь? А пошли от евреев?

Л.А.: Да, да. Русские, украинцы, белорусы – это славяне.

Е.К. А вот разговаривали они на каком языке?

Л.А.: На караимском.

Е.К.: Но он ближе к какому языку?

Л.А.: К идишу.

...

(Информант отвечает на вопрос о Родине)

Л.А.: Крым на голову выше.

Е.К.: А почему?

Л.А.: Хе-хе... Знаете, есть такая поговорка: «Крым - это или орден или медаль на груди Земли. Жизнь дается один раз, и прожить её, желательно, в Крыму. Ну, это дело такое...

Т.Ж.: А почему?

Л.А.: Ну вот влюбилась девочка в россиянина – он сюда не хочет ехать. Ну, есть разные причины. Вот я, например, уехал в Донбасс 40 с лишним лет назад – мне негде было жить. Поэтому я уехал. Появилась возможность – вот я вернулся и купил землю. Была бы Советская власть – я бы там и сдох, наверное, в Донбассе.

Е.К. А вот в плане взаимоотношений? Вот в Крыму лучше или хуже?

Л.А.: В Советском Союзе антисемитизм шел сверху. Всё. Только сверху. Было такое: не принимать, не выдвигать, не назначать евреев. В учебные заведения – ограничения. Не во все, конечно. Допустим, в мединститут Вас бы с золотой медалью не приняли. Или там какие-нибудь МГУ, МАИ или еще какой-нибудь там. На оборонные предприятия евреев не принимали. В МВД не принимали, в безопасность не принимали, я приведу вам такой пример. Из-за меня начальник Павлоградского горотдела милиции получил выговор. Я когда с Крыма уехал, в Павлограде у меня жила мать, я приехал и думаю: «Остановлюсь у нее». Нет работы. Когда кто-то мне говорит: «Так, ты знаешь, в детскую комнату милиции требуется воспитатель» А у меня диплом уже был, я же учился в этом, в пединституте – он был раньше пединститут им.Фрунзе. Я прихожу: «Надо?» - «О...». Тем более, что у меня физкультурный техникум. Сразу пишет мне это. Езжай, в Днепропетровск в областное управление, чтобы тебя утвердили. А он то не проверил мой паспорт. А там проверили. Всё, и моментально оттуда отправили. Дали ему такой разгон, что ему аж неудобно было. В армии... У нас образование было начальное. Вот где-то до 50-х годов, потом – семилетнее. Всеобщее – начальное было. А я в армию пошел уже со средним специальным образованием. А ребята – ну, 7 классов – это хорошо было. А так 4 класса у большинства. Я в 57-м году ехал за молодым пополнением – была тогда такая Великолукская область – 40 человек привезли – у одного было 7 классов, у остальных – 4, 5, 6 классов. Поезд первый раз видели. Ходили с 7-ми классами, уговаривали в военное училище. У меня среднее специальное, отличник боевой и политической подготовки, мне

– ни разу... Я бы и не пошел?. Но ни разу не предложили. В общем, у меня тормоз был железный.

Т.Ж.: Скажите, а Ваши друзья знали, что Вы – еврей и как-то особо к Вам относились?

Л.А.: Абсолютно нет.

Е.К.: И Вы нормально общались?

Л.А.: Абсолютно. Дело в том, что я никогда не афишировал, это раз. Ну и всё. Я мог 10, 20 лет прожить... Я прожил в одном доме в Горловке, считайте, с 65-го по 2003 год. Уже некоторые узнали о моей национальности. А так... спокойно.

Т.Ж.: А когда они узнали, они как-то изменили своё отношение к Вам?

Л.А.: Нет, не было такого повода. Понимаете, ещё внешние признаки должны быть. Вот, если бы я, допустим, разъезжал на Мерседесе, да, говорили бы: «У-у-у, жидовская морда, наворовал где-то денег, откуда у него Мерседес?» А если я вкалывал работягой в шахте, 6 часов в респираторе, при температуре 33–35 градусов, кто мне что скажет? Меня никогда... Шахта, как и армия, вся построена на мате. Жутко, во-первых, очень тяжелая работа. В каждый момент тебя могут убить, придавить, и всё остальное. Второе, техника... желает лучшего. Смена 6 часов, мало времени, не получается. Мат стоит страшный. Вот я 20 лет проработал в шахте, меня никто никогда... меня только по отчеству. Называли по отчеству. Хотя я рядовой рабочий, меня никто никогда не обругал, не это... Всё зависит ещё от людей. Я никогда не выделялся. Я ничем не выделялся. Вот как? На шахте ж план, давай план... В любых условиях. Поэтому, пьяницы, прогульщики – для начальника участка – это клад, находка. Вот пришел пьяный, он глянул – до свидания, выйдешь в воскресенье. А я трезвым прихожу. А мне надо выходить. И он: «Григорьевич, я тебя прошу, выйди в воскресенье – я тебе или двойную оплату проведу или в любой день отгул дам». Ему не к чему придраться. Пьяным я не прихожу на работу, прогуливать я не прогуливаю, я добросовестно отработал смену, он меня просит. А он пришел пьяным – он его обматерит, выгонит, попробуй не приди в воскресенье. Поэтому я не давал повода. Вот почему ко мне... Но всякое, конечно, бывает, и идиоты всюду есть... Ну у меня не было ... Вот сколько я вам наговорил.

(Информант рассказывает о своем деде - Янкеле Абрамове)

Л.А.: У него даже своего дома не было, он жил на квартире. Помню, он открывает этот комод, достает конфету, я за ней и прибежал только.

Е.К.: А какие книги у него были?

Л.А.: Да, дело в том, что в 5 лет я не интересовался еще книгами. Они меня не интересовали.

Е.К.: Но это были книги, связанные с религией?

Л.А.: Только, только. Да. Отец у меня был культурный, начитанный, грамотный человек. Мать – нет. Мать этого ничего не признавала, ну потому что семья была на матери, вот в чем дело, она... а отец газеты, было, выписывал, книги покупал, читал, всегда ругань была из-за этого.

Т.Ж.: А дед как-то особо одевался или нет?

Л.А.: Да, строго он одевался. Вот у него такой типа сюртука или лапсердак он тогда назывался. Черный такой был. Ермолка всегда у него на голове была. Шапочка.

Т.Ж.: Шапочка? Какая она?

Л.А.: Высокая такая шапочка. Сейчас я смотрю передачи из Израиля, у них вот такая вот эта, а у него такая шапочка была. Высокая.

Т.Ж.: меховая? Из чего она сделана?

Л.А.: Из ткани. Вот я говорю, что у меня до 60-х годов фотография эта была, он вот в ермолке этой.

Т.Ж.: Какие еще были черты, чем он отличался от нерелигиозных людей?

Л.А.: Религия была запретом, понимаете? За религию могли уволить с работы. Могли арестовать. Все что угодно могли сделать. Даже не надо туда, в 30-е годы, в 60-ые... Вот я постоянно был классный руководитель, у меня дети баптистов были. Я относился к ним спокойно, а поступали директивы с райкома комсомола, с райкома партии: так, сегодня идем облавой, это вот уже в 60-ых годах, там Поповы, Шерстневы собираются, баптисты, все. Никогда не ходил и никогда не принимал участие. Поэтому они ко мне относились только добропорядочно.

Е.К.: Скажите, а дедушка Ваш стригся, брился?

Л.А.: Борода была.

Е.К.: Длинная была борода?

Л.А.: Да, вот седая такая. Да. Вот дед по матери, я его хуже помню, тот брил бороду.

Е.К.: А он религиозным был?

Л.А.: Ну как, вам не понять, сколько бы я вам объяснял, это вне закона было.

Е.К.: Да, но все равно...

Л.А.: Конечно, если они всю жизнь поклонялись Богу, они – да.

Е.К.: Но и вне закона человек продолжает верить?

Л.А.: Да, это бесспорно. Но не было так как сейчас: там, пошли в церковь, пошли в синагогу, там в мечеть пошли. Вон он кричит в 5, в 10 вечера. Если стоит тихая погода, я слышу, как мулладин кричит на этом, на минарете. Тогда этого ничего не было. Вот у нас в деревне поселились субботники, так их все и звали «субботники».

Е.К.: А когда это было?

Л.А.: Это было в 30-х годах, но они и после войны они жили. Вот я... я даже с ними учился с детьми: Шевцовы их фамилия была.

Т.Ж.: А откуда они приехали?

Л.А.: Я не помню. Я не помню, откуда они приехали, но у них свой дом был. Значит, они, наверное, у кого-то купили. В 30-х годах это было.

Е.К.: А «субботники» - это что значит?

Л.А.: Это секта, вероисповедание такое.

Е.К.: А чего они придерживаются, не знаете?

Л.А.: Суббота – не рабочий день у них. Вот они и называются субботники. Это типа адвентисты Седьмого дня, по-моему, я не помню как ихняя называлась, она меня не интересовала, вот в чем дело.

Т.Ж.: Но это были кто, евреи или русские?

Л.А.: Нет, русские. У евреев нет сект. Хасиды – это такое ортодоксальное направление. Более такое вот агрессивное.

Е.К.: Но Вы общались с этими субботниками?

Л.А.: Ну, дети, ну какое мне дело было до них. Мы вместе в одном классе учились. Конечно. У нас школа маленькая была, вот, начальная школа в деревне. Потом мы уже ходили, когда немцев уже не было, там семилетка была в Неемане, и я седьмой класс там заканчивал.

Е.К.: А дед ваш принадлежал к какому религиозному направлению?

Л.А.: Тогда одно направление было. Это сейчас начались вот такие хасиды. Он верующий был еврей и все.

Т.Ж.: Скажите, а мама ваша не возражала, что вы женитесь не на еврейках?

Л.А.: А кто ее спрашивал? Вы будете спрашивать своих родителей за кого замуж выходить?

Е.К.: Ну надо как-то наладить...

Л.А.: Стоп, вы будете спрашивать? Вы поставите перед фактом.

Е.К.: Я спрошу, конечно, ее. Но если она запретит, я ее не послушаю.

Л.А.: Вот и все. Значит, вы ее ставите перед фактом. Точно так же и мы.

Т.Ж.: Но она ничего не сказала против, когда вы ее поставили перед фактом?

Л.А.: Я ценю человека только по его качествам. Порядочность, естественно, вот точно так же и мои родители. Независимо какой национальности. У меня мой двоюродный брат – это по линии матери, вот я уже рассказывал, у него две семьи было, и расстреляли и его, и его обе семьи, а его два сына были на фронте. Всю войну прошли и остались живые, и вот, Юра, младший, на грузинке женился. Ну, он приехал, вот, тетя Зина, привез ее, у них потом что-то не сложилось, они потом разошлись, а она такая – боится возвращаться в Грузию, - она вышла замуж, тем более за еврея и это была, конечно, трагедия. А в деревне был такой случай, что русский парень влюбился в еврейку. Там любовь была... он пошел на все. Принял иудейское вероисповедание, даже, извините, обрезание сделал.

Е.К.: Но его приняли?

Л.А.: А так ему не разрешали жениться.

Е.К.: А потом какое отношение к нему было?

Л.А.: Абсолютно. Он был Иван, стал Абрам.

Е.К.: И как бы различия все стерлись?

Л.А.: Абсолютно. И вот у евреев – не зависит, какая у тебя национальность, только вероисповедание. И если у тебя иудейское вероисповедание, Иван там или Хатаям это не зависит, только вероисповедание. Все.

Т.Ж.: Но Вы сказали, что у Вас дочери в Германии и их не принимают, потому что у них мать – русская, могут ли они принять еврейское вероисповедание?

Л.А.: Могут.

Т.Ж.: Они этого не хотят?

Л.А.: Их родила русская женщина.

Е.К.: Но они могут принять еврейское вероисповедание.

Л.А: Запросто.

Е.К.: Но почему они не принимают?

Л.А: Потому что их родила русская мать.

Е.К.: Вот, видите, значит, дело не в вероисповедании.

Л.А: А как же?

Т.Ж.: Но они сами могут перейти в веру иудейскую?

Л.А: Могут, но зачем? Не перейти, они по отцу – еврейки, а Израиль сейчас считает евреями только рожденных еврейкой, а немцы считали во время войны наоборот: мать – русская, отец – еврей, семью расстреливали, кроме матери, а сейчас наоборот. Вот мои дочери, рожденные от еврея русской женщиной – все. Вот в Германском Хеседе их не признают за евреек. Все. Старшая дочь – Евгения Леонидовна, младшая – Марья.

Т.Ж. А мужья у них кто по национальности?

Л.А: Русские.

...

Л.А: Раньше, когда женились, надо было принимать или православие, или иудаизм. Но они (родители) женились в 20-м году. Этих проблем уже не было. Это шло по накатанной дорожке. Тем более отец у меня был старше матери на 9 лет. И мать была очень красивая женщина.

...

Л.А: Раньше почему уезжали? Уезжали от системы. Любыми путями вырваться из Советского Союза. Любыми путями. Только дали возможность евреям уезжать, женились на ком угодно и как угодно, русские, украинцы, на еврейках или наоборот – лишь бы вырваться из Советского Союза. Это тюрьма была. Сейчас все зависит от тебя – можешь ты делать деньги – честно, конечно, - пожалуйста. Раньше этого ничего не было. Вот если я, допустим, выращивал у себя на огороде помидоры, продать на базаре – это считался не трудовой доход. То, что там после работы вкалываю – это нельзя было. Знаете, как была такая поговорка: «Старая-старая графиня сидит у себя дома. Стрельба там, шум, крик. Внук приходит ее. Она спрашивает его: «Что там, в мире творится? Что в России?» - Бабушка, ты что, не знаешь – революция, стреляют, убивают всех богатых. – «А... вот тогда, когда была революция и декабристы вышли на площадь, они хотели уничтожить бедность, а коммунисты хотят уничтожить богатство». Чтобы все были бедны и все были равны. Вот так мы прожили 70 лет. ...В Израиле? Там не мед. Не каждый может прижиться. Проще молодежи. Вот вы уедете – у вас это будет без проблем. Вы не знаете еще ту жизнь, вы еще не работали, вы начинаете все с нуля. Ну я уеду – ну мне там пенсию дадут, ладно, Бог с ним, а вот средний возраст – 40-45 лет – все надо ломать, языковой барьер, квартиры нет. Тут же все есть. Поэтому люди там не приживаются. Вот у меня брат уехал – он меня звал и посылал деньги, ну приедьте, хоть посмотрите, - не хочу. Ну, тут разные у меня причины, он уехал в 95-м году. Он мне помогает, присылает деньги. И квартиру это наполовину я из-за него купил – он мне присылал деньги. Он говорит: «Я живу спокойно». Достаток – это не то слово. Он живет той жизнью. Вот как жил он как аскет при Советском Союзе, были у него там копеечки, так он и там живет. А молодежь это не устраивает. Вот я знаю многие у меня, даже русские, у меня у товарища сын женился на еврейке в Израиле – она уже там и ребенка родила, он на заводе работает. Они даже разговаривать не хотят. Но они уехали где-то в возрасте 25 лет, 26, 24. Вот так вот. А вот племянник мой уехал уже за 50. Он с женой вернулся, а дочь осталась там. Одна дочь в Швейцарии живет, но гражданство израильское, а вторая дочь там. Вот они

приезжали сюда – они не хотят возвращаться, а эти вернулись. Организм перестраивается, уже подстраивается под то. А сейчас ехать – я и в Россию не хочу ехать. Вот хотя мои дочери там (в Германии) живут, и они довольны, а я не могу, я не простил войну 41-го года. Поэтому это одна из причин. А второе, я же не могу это все... это надо продавать. Я когда сюда переезжал, у меня больше 5000 книг, уже пришли все знакомые, вязали-вязали, я даже рублей на 50 этих веревок купил, потом начал эти веревки распускать, все. У меня уже кончилось терпение, в Украине такие же книги не издаются, и я только полслова сказал – я на 1000 гривен в течение часа продал. Все, на этом закончено. Поэтому я... я вот это все не могу бросить. Я может быть в Германию и уехал, но не хочу. Вот сейчас детки приезжают – у меня детских книг очень много. Ради Бога, чтобы освободить, я им пачками отдаю детские книги. Я отдыхаю. Вот я сейчас читаю – был такой советский писатель Чивилихин, - вот он о декабристах, о Гоголе, о Пушкине, я много об этом знаю, но кое-что беру оттуда новое. Я живу среди этих книг. Вот я достал «Советскую энциклопедию» 30-х годов, вот она оттуда выписала. Вот у меня «Всемирная история»... Вот у меня... Я живу этими книгами. Я их собираю более 50 лет. Во-вторых, у меня уже трижды поменялась библиотека. Трижды... С возрастом... У меня нет ни одной книги советских писателей – бездарных писателей. В Советском Союзе как делились писатели – вот, похороны, умер писатель. Хоронят по четырем категориям. Вот, высшая категория – это там члены ЦК.

<http://collections.ushmm.org>
Contact reference@ushmm.org for further information about this collection